

«В Москву! В Москву!...»

Еще несколько лет назад, глядя на незнакомые театральные афиши, расклеенные на московских улицах, мы не задавались излишними вопросами, понимая, что таким образом реализуется где-то утвержденный план гастрольных мероприятий. Сегодня времена заметно изменились. И потому от каждого театра, показывающего свои спектакли в столице, вполне позволительно ожидать не просто знакомства ради знакомства, но открытия новых тем, имен и театральных идей. Словом, вопрос «зачем театр пришел в Москву?» уже не кажется бессмысленным и бестактным.

Гастрольная афиша Казахского академического театра драмы имени М. Ауэзова весьма разнообразна, хотя и состоит всего из четырех названий — «Мы не ангелы» К. Мухамеджанова, «Есть ли яд, мною не испытан...» И. Оразбаева, «Беспокойная женщина» А. Джагановой и «Кабала святош» М. Булгакова. Спектакли эти поставлены разными режиссерами, что, видимо, обусловлено желанием театра продемонстрировать публике результаты своих художественных исканий.

Открылись гастроли новой работой театра «Мы не ангелы» в постановке А. Мамбетова. Спектакль повествует о том, как пробудившаяся память о событиях полувековой давности приводит бывшего функционера НКВД, а ныне весьма респектабельного доктора исторических наук Сарсенова через пробуждение совести к ее приговору — смерти. Ретроспекции, влеченные в современный сюжетный пласт, рассказывают о гибели писателя Жакена Сабырбаева (А. Боранбаев) и его жены (В. Жангалиева), к аресту, допросам, пыткам и расстрелу которых герой спектакля Назар Сарсенов (И. Ногайбаев) имел прямое отношение.

Сегодня в потоке публикаций, воскрешающих реалии того страшного времени, особенно ранит душу будничная казенность и деловитость процедур по «разоблачению» и уничтожению невинных. Спектакль Казахского театра, напротив, извлекает из следственных коллизий максимум броских сценических эффектов, надеясь с их помощью достичь высот трагического пафоса. Сцены допроса выстроены с почти плакатной прямоотой, когда над фигурами жертв, облаченных в аккурратно разорванные и окровавленные старательным костюмером одежды, угрожающе нависают темные силуэты следователей, обезличенных мундирами. К тому же режиссер еще вводит в действие когорту сугубо условных персонажей, затянутых в черные трико, с белыми кругами мишеней на груди и спине, которые, видимо, призваны олицетворять собой палаческий механизм, лишенный всякого человеческого начала.

Надо сказать, что в этом спектакле театр не скупясь использует обширный арсенал приемов, характерных более для кинематографа, нежели для сценических подмостков: вопли,

побой, отчаянный крик ребенка, варварски, с выкручиванием рук, отдираемого от матери, которая бьется головой об пол, а потом долго сходит с ума на наших глазах. Впрочем, всего не перечислить. Важнее другое. Обилие неторопливо сменяющих друг друга эпизодов, исполненных настойчиво нагнетаемой режиссером театральной патетики, превращает спектакль в зрелище, лишенное подлинности человеческих страданий.

С новой сценической версией судьбы великого Абая познакомил москвичей спектакль «Есть ли яд, мною не испытан...», поставленный художественным руководителем театра А. Ашимовым. Написанная белым стихом драма имеет в подзаголовке довольно редкое жанровое определение — «реквием», в котором уже угадывается отчетливая программная направленность. Этот спектакль гармоничен. Художник Е. Туяков создает на сцене фантастический образ казахского жилища, который воспринимается как духовная среда обитания нации. Музыка С. Байтерекова исполнена торжественной значимости. Режиссерский рисунок подчеркнут статичен, поскольку постановщик практически не меняет мизансцен в пределах каждого эпизода, заставляя таким образом зрителей сосредоточиться на звучании монологов, речитативом исполняемых актерами.

Парадоксально, но эпический строй спектакля, столь настойчиво культивированный его создателями, от сцены к сцене все отчетливее облекается в традиционные оперные формы, когда музыка речи растворяет в себе ее смысл, когда главной для исполнителей становится «вокальная», а не драматическая характеристика образа. Так рождается дистанция между сценой и зрительным залом, а действующие лица превращаются в музейные раритеты, утратившие связь с днем сегодняшним. Бесспорно, возвращение Абая на казахскую сцену — само по себе событие замечательное. Жаль только, что в исполнении Т. Аралбаева за внешней репрезентативностью начисто скрыт мятежный и трагический мир великого поэта.

Недоумение вызывает отсутствующий в гастрольной афише Казахского театра спектакль «Беспокойная женщина». Пьеса являет собой причудливый симбиоз расхожих штампов «производственной драмы» начала 70-х годов с классическим для репертуара парижских бульварных театров прошлого века мотивом соперничества двух влиятельных дам. Коварная (в стиле «вамп») заведующая косметическим салоном Жамал (Ш. Байтабылова) плетет сложнейшую интригу против бывшей своей одноклассницы, а ныне сугубо положительно директора крупного металлургического комбината Айши Садыковны (Ф. Шарипова). К фивалу зритель, обогащенный сведениями о работе комбината и салона, ставший свидетелем сотворения двух диссертаций и деятельно-

сти одной съемочной группы, побывавший в приемных секретаря обкома и прокурора, на стройке, на даче и как минимум в трех квартирах действующих лиц, вынужден разбираться в ходе уголовного следствия по поводу взятки, в перипетиях пуска новой линии на комбинате и в двух любовных треугольниках. Поразительно, как режиссеру А. Рахимову удалось сохранить серьезное отношение к пьесе и даже заразить им актеров, которые разыгрывают ее с неподдельной старательностью.

Подлинные творческие возможности казахских актеров раскрываются лишь в сценической версии пьесы М. Булгакова «Кабала святош». Режиссер В. Мажурин, не предлагая каких-либо постановочных новаций, строит действие на переплетении человеческих страстей, всплески которых образуют цепочку психологических кульминаций, задающих спектаклю стремительный и напряженный ритм. Превосходный артист Н. Жантурин уже присутствием своим на сцене диктует определенный уровень актерского мастерства. В его Мольере соединилась слабость уставшего от борьбы человека с блистательной мощью таланта и мудростью, окрашенной печалью. Одна из самых пронзительных сцен спектакля — прощание отверженного всеми Муаррона, сыгранного Т. Аралбаевым с какой-то отчаянной откровенностью, в котором Мольер вдруг угадывает свое продолжение, предвидит повторение собственной судьбы. Талантливая актриса Г. Аспетова в роли Мадлены создает сильный женский характер, но порой увлекается откровенно мелодраматическими отыгрышами. В этом спектакле существует довольно стройный актерский ансамбль, хотя режиссеру так и не удалось до конца преодолеть пристрастие труппы к театральным эффектам.

Нынешние, восьмые по счету, гастроли Казахского академического театра, бесспорно, дают обильную пищу для размышлений о целом ряде серьезных творческих проблем, стоящих перед коллективом, богатым актерскими дарованиями. Недавно произошла смена художественного руководства театра, который возглавил замечательный актер А. Ашимов. Коллектив находится в поисках, пытается выйти из предкризисного состояния, которое сложилось в труппе в последние годы.

Зачем же именно в это время театр пришел в Москву? Видимо, сказалась инерция прошлых десятилетий, когда сам факт визита в столицу независимо от его подлинных результатов украшал всякие отчеты и был престижным мероприятием. Хочется надеяться, что на гастроли в Москву театры перестанут рваться, не имея для этого достаточно веских оснований — талантливых и ярких спектаклей.

А. СТЕПАНОВА.